

А. В. Романович-Славатинский

ГОЛОС СТАРОГО ПРОФЕССОРА ПО ПОВОДУ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВОПРОСОВ (извлечения)

Предлагаемая брошюра — продолжение «Голоса старого профессора». В ней собраны мои заметки по университетским вопросам, напечатанные покойной «Россией» и в «Русских ведомостях». Издаю их вновь, не потому что считаю особенно мудрыми вещаниями, способными разрешить многотрудный и сложный университетский вопрос — издаю их с целью сохранить память о том, что недуги, удручившие мои старые годы, не разорвали моей нравственной связи с Университетом, которому я служил бóльшую часть своей жизни и обновление и процветание которого составляют мою заветную мечту.

*Заслуженный профессор
А. В. Романович-Славатинский,
Киев, 6 ноября 1902 г.*

Кандидат или диплом 1-й степени¹

Мы очень любим слова, мы придаем большое значение названиям. Переименовывая должность, мы надеемся придать ей новую чудодейственную силу. Вот почему история нашего государственного строя наполнена массой названий должностей, — названий, постоянно изменявшихся, но этими изменениями ничего не дававших государству. Вы не встретите у нас таких исконных названий, как, например, шериф, коронер и другие, какими так изобилует Англия. Об этом, пожалуй, можно сожалеть: давность наименования освящает идею должности, внушая к ней большее уважение.

При составлении университетских уставов мы следовали той же склонности к переименованию: в ином уставе одна из старинных должностей получала иное название, в другом она вовсе упразднялась. Чем, например, руководствовались составители устава 1863 г., переименовав историческую должность адъюнкта, существовавшую у нас еще со времен Елизаветы Петровны, в штатные доценты? Разве представители этой должности улучшились вследствие такого переименования? Разве адъюнктами не были Кавелины и Калачовы, Соловьевы и Грановские, Митюковы и Стояновы? Не успели мы привыкнуть к этой новой должности штатного доцента, как она была вовсе отменена уставом 1884 г. Но разве целесообразнее было фактическое восстановление этой должности в лице приват-доцентов, читающих обязательные лекции? Устав 1884 г. сделал еще

¹ *Романович-Славатинский А. В. Голос старого профессора по поводу университетских вопросов. Киев : Тип. Императорского университета св. Владимира, 1903. С. 4—19.*

одну весьма существенную переменную: он отменил традиционные наименования университетских степеней кандидата и действительного студента, заменив их дипломами 1-й и 2-й степени.

Трудно придумать оправдательный мотив такой замены. Притом различие оказалось не только в названии, но и в самом существе дела. В самом деле, новые степени существенно отличались от замененных ими традиционных университетских степеней. Между дипломами 1-й и 2-й степени разница только количественная; оба диплома дают одинаковые академические права; с дипломом 2-й степени можно также держать экзамен на степень магистра, как и с дипломом 1-й степени; условия получения приват-доцентуры для обоих дипломов одинаковы: тот же магистерский экзамен, те же пробные лекции.

Между прочим, экзаменационные требования на окончательных экзаменах неодинаковы для обеих степеней: для первой степени требуются, во-первых, лучшие отметки за устные ответы; во-вторых, представление сочинения, дающее право на степень, получение которой еще неизвестно, что, несомненно, отражается на качестве работы. Для диплома второй степени достаточны более слабые отметки, предварительная же подача сочинения вовсе не требуется. Разумно ли отождествление для обеих степеней академических прав при таком различии требований для их получения? И в самом деле, окончивший университет с худшими сведениями имеет такое же право держать экзамен на степень магистра и получить звание приват-доцента, как и окончивший со сведениями более основательными. В действительности бывают и магистранты, и приват-доценты из окончивших со второй степенью. Дело само за себя говорит, и нам нечего прибавлять.

Традиционные университетские степени, так неосмотрительно замененные новыми, существенно от них отличались. Во-первых, для получения этих обеих степеней требовались познания не только в предметах испытательной комиссии, число которых в последнее время все более и более уменьшалось, но и по всем предметам!.. Так что получение этих степеней обуславливалось суммой курсовых экзаменов, тогда как практика комиссий, сколько нам известно, ограничивается только комиссиями предметами, вовсе игнорируя предметы факультетские. Насколько это может быть оправдано, не знаю, но знаю, что диплом первой степени нередко достается весьма плохо подготовленному по таким капитальным предметам, как государственное право или история русского права, не говоря уже о других.

Во-вторых, для получения степени кандидата необходимо было представление диссертации и коллоквиум. Правда, как мы видели, теперь требуется подача сочинения от желающих получить первую степень, но какая разница в их достоинствах? Кому пришлось перечитать немало тех и других, тот, к прискорбию, не мог не заметить, как упал литературный навык у студентов, воспитавшихся по уставу 1884 г. Между прежними кандидатскими диссертациями были такие работы, как диссертации Кавелина и Калачова, которыми были украшены юридические записки Редкина, да и в свое студенческое время мы знали много кандидатских работ, которые с успехом могли быть напечатаны. Припоминаем, например, глубокий историко-психологический этюд о Грозном покойного Цехавецкого, бывшего впоследствии ректором Харьковского университета, не говоря о некоторых других. А что пишут теперь на первую степень? Теперь больше переписывают, и не всегда с соблюдением правил орфографии. И это является неиз-

бежным последствием отмены обязательных письменных работ. В наше время студент обязан был представить в течение своего курса шесть семестральных работ, и литературный навык в наше время изощрялся. Сравните развитие и литературный навык воспитанников духовных академий с теперешними питомцами университета, и пальму первенства вы, конечно, отдадите первым.

Кандидатская степень поистине была первой академической степенью: она давала возможность получения высших академических степеней магистра и доктора, чего лишены были имевшие степень действительного студента. А для получения звания приват-доцента требовалась защита *pro venia legendi*, что, конечно, представляло более гарантии. Таким образом, диалектические и логические способности ищущего кафедру были дважды испытываемы — на кандидатском коллоквиуме и на приват-доцентском диспуте, тогда как в настоящее время садятся на кафедру не прошедшие этих испытаний. Не объясняется ли этим падение лекторских талантов в настоящее время? Обе степени освящены были временем и привычкой к ним общества, которое никак не может привыкнуть к казарменной нумерации питомцев университета. Как не желать поэтому, чтобы при пересмотре действующего университетского устава были приняты сделанные нами указания. Они имеют не только формальное, но и материальное значение.

Сохранить или отменить служебные права?

История нашего университета тесно связана с идеей государственной службы. Московский период нашей истории завещал нам чиновника-кормленщика, понимающего государственную службу как свое личное дело. Законодатель напрягал все усилия, чтобы изменить этот тип чиновника, водворив в государственную службу принцип не личной выгоды, но пользы государства. Через весь XVIII век тянется ряд указов, угрожающих разными карами за лихоимство, казнокрадство и другие проступки служащих. Все усилия законодателя видоизменить исторически сложившийся тип русского чиновника оставались бесплодными. Еще Сперанский ратовал за поднятие умственного и нравственного развития русского чиновника. Помощь законодателю водворить в русской государственной службе идею служебного долга и государственной пользы оказали русские университеты, питомцам которых дарованы были права и преимущества. Из стен университета вынесена была ими идея государственной службы не ради лица, но ради общества и государства. На служебной сцене рядом с чиновником-кормленщиком появился чиновник, служащий не себе, но обществу и государству. Этот чиновник был питомцем русского университета. Он сторицей отблагодарил государство за те служебные права и преимущества, которыми он был наделен.

Проф. П. Г. Виноградов в своей талантливой статье, помещенной в одной из книжек «Вестника Европы», справедливо говорит, что важнейшая заслуга университета состоит в том, что он наполнял ряды русского чиновничества людьми просвещенными. Это облагораживание чиновника составляет поистине главную заслугу русского университета пред государством. Немногочисленные сначала, но постепенно умножавшиеся питомцы университета, рассеявшись по разным ведомствам, внесли в служебное дело благородную идею общественного инте-

реса. Эта огромная заслуга пред государством, в котором чиновничий элемент играет такую крупную роль, — заслуга, которую государство при оценке значения русского университета не должно забывать.

Служебные права, которыми пользуются воспитанники университетов, составляют, конечно, немалую приманку для привлечения молодых людей в университет, и особенно на юридический факультет. Мало-помалу накопились такие массы студентов, что возбужден был вопрос, не слишком ли переполнены университеты и не пора ли для ослабления прилива их отменить служебные права их питомцев. Такой вопрос представляется нам вполне несоответствующим положению дела и пользам государства. Отмена служебных прав и возможное вследствие этого уменьшение числа студентов было бы крайне неблагоприятно для государства, интересы которого требуют полного сохранения этих прав. Умножение числа студентов должно вызывать не сожаление, но радость; чем большее будет их число, тем более в России будет образованных людей.

А пока мнимое переполнение университетов студентами все-таки представляет печальное несоответствие числа студентов общему количеству народонаселения империи. Правда, переполнение это представляет временное неудобство: университетские помещения приспособлялись к гораздо меньшему числу студентов и теперь сделались тесными. Даже такое грандиозное здание, как университет св. Владимира, уже не находит места для аудиторий и помещения для избыточно жертвуемых его библиотекам книг. Но просвещенное государство должно заботиться не об умалении числа студентов, а о приспособлении помещений для них. Да и вообще число наших университетов делается не соответствующим более и более развивающейся потребности учиться в них. Следовало бы в некоторых пунктах государства основать новые университеты: Вильна и Тифлис, например, давно просят университетов. Министр финансов, который поймет эту глубокую потребность страны в людях с высшим образованием и отыщет средства увеличить бюджеты оскудевших университетов, золотыми буквами запишет свое имя на страницах истории русского просвещения. Умаление числа студентов в университетах лишением их служебных прав тем более не может быть оправдано, что число образованных чиновников все-таки не соответствует громадной потребности в них, все более и более расширяющейся. Мы глубоко поэтому убеждены, что сохранение служебных прав и преимуществ за питомцами университета — крайняя государственная необходимость. Еще более мы думаем, что справедливость требует уравнивания в правах воспитанников университета с воспитанниками привилегированных заведений — Александровского лицея и Училища правоведения, так как сумма сведений и степень образования, выносимая из университета, едва ли менее той, которую выносят питомцы этих привилегированных заведений.

Суровый критик

(Ответ г. Янжулу)

Академик Янжул в своей статье «Роль и значение практических занятий в современном юридическом образовании Западной Европы», помещенной в ноябрьской книжке 1901 года «Журнала Министерства народного просвещения», осыпает

меня знаками безмолвной иронии, восклицательными и вопросительными, по поводу моей заметки, помещенной в «России» за 29 июня. На несколько строк цитаты из моей статьи приходится восемь восклицательных и два вопросительных знаков: новый способ академической полемики посредством знаков препинания.

Он находит само заглавие этой заметки: «Лекции и практические занятия» — *тенденциозным*, и говорит, что я-де «борюсь с плодом своей собственной фантазии», как будто в самом деле лекции предназначены к отмене или уничтожению. Осмелюсь доложить петербургскому академику, что я сражался не с плодом собственной фантазии, но с господствовавшим веянием, что традиционная лекционная система должна быть радикально изменена. Напомню ему, например, следующие слова профессора Боголепова, сказанные им в предисловии к курсу истории римского права: «Принятая манера преподавания делает университет ненужным для студента». Или — «Если юридические факультеты не желают пасть окончательно, если профессора желают привлечь студентов к правильной работе под их руководством, они должны изменить способ преподавания» (издание 1900 г. ст. VI).

Эта мысль профессора, сделавшегося министром, сказала в десятом вопросе, обращенном к заведующим практическими занятиями. Вопрос этот гласил: не желательны ли существенные изменения самого лекционного университетского преподавания? Вопрос этот предшествовал самой миссии г. Янжула, а министру стали вторить и другие, например профессор Новороссийского университета Казанский в своей известной брошюре. Мне самому приходилось вести речь с профессорами, полагавшими, что традиционная лекционная система должна быть сдана в архив.

Где же тут плод моей фантазии? Заметка моя — горячая защита традиционной лекционной системы, которую я считаю важнейшим элементом университетской школы. Но я вовсе не противник и практических занятий, которым не придаю только первенствующего значения.

Практические занятия в нашем юридическом факультете существовали чуть ли не со времен Неволлина: в 50-х годах их вел профессор Бунге, когда я был студентом; практические занятия я сам вел в 60-х годах, когда студентом, вероятно, был г. Янжул; вел я их и в последующие годы наравне со многими моими товарищами.

Г. Янжул припоминает слова покойного профессора Мейера. К ним он бы мог присоединить и слова Неволлина о значении практических занятий. Из этого видно, что мысль о практических занятиях в наших юридических факультетах не нова: практические занятия издавна существовали, но были не подневольными и производились не по немецким шаблонам, а по индивидуальным воззрениям профессоров, применительно к потребностям и развитию русского студента. Но г. Янжул вообразил, что практические занятия чужды нашим юридическим факультетам, что русские профессора не желают и не умеют вести их и что нужно назидать их в этом деле, преподав немецкие образцы.

Не сражался ли г. Янжул с плодами своей собственной фантазии? Назидая ревностно и строптиво русских профессоров, как должно вести практические занятия, не забывает ли он, что назидать их этому делу — все равно, как если бы

департамент командировал' своего чиновника, поручив ему, объезжая университеты, назидать профессоров, как читать лекции.

Противником практических занятий, повторяю, я не был. Но я противник практических занятий, устраиваемых по общему казарменному шаблону, под наблюдением новой власти — всероссийского инспектора практических занятий русских юридических факультетов.

Предметные или курсовые экзамены

К чести русской печати она с должным вниманием относилась к университетскому вопросу, признавая его одним из важных русских вопросов — вопросом русского просвещения, русской науки. Лучшие органы печати, признавая большие недостатки в современном устройстве университета, обезображенного уставом 84 г., считали необходимой коренную реформу в духе устава 63 г. Эта реформа могла бы вывести университеты из того тяжелого положения, в котором они ныне обретаются. В числе органов печати, с особенной обстоятельностью и вниманием разрабатывавших университетский вопрос, одно из первых мест принадлежит газете «Россия», которая сделалась почти что центральным органом мнений русских профессоров. Но, сколько я могу припомнить, газета эта еще не касалась одного из важных университетских вопросов, — вопроса «об экзаменах», по поводу которого я позволю себе высказать несколько соображений, навеянных на меня теми порядками, которые существуют в юридическом факультете университета св. Владимира, и с которыми я близко знаком как его давнишний декан.

Благоустройство университета требует, чтобы такой важный акт его жизни, как экзамен студентов, был поставлен правильно и окружен условиями, соответствующими достоинству, чести как заведения, так и питомцев. Условия эти можно свести к нижеследующему: 1) экзаменатор должен иметь возможность, не обременяя себя физическим трудом, обстоятельно и спокойно проэкзаменовать студента, поставив ему вполне соответствующую его познаниям отметку; 2) экзаменуемый должен быть в таком состоянии, чтобы, не впадая в неврастению или мнемонический экстаз, с полным самообладанием и достоинством образованного и развитого человека, отвечать на вопросы экзаменатора, не торгуясь с ним из-за отметки; 3) время для экзаменов должно быть выбрано так, чтобы не уменьшать сроков для чтения лекций и без того умаленных множеством праздничных дней; 4) экзамены должны быть так установлены, чтобы не мешать студенту, занятому постоянным приготовлением к ним, специально изучать какой-нибудь избранный им предмет.

Соответствует ли теперешняя организация университетских экзаменов выше-названным условиям? Конечно, нет: экзамены составляют в теперешнем строе университета самое больное место, требующее радикального врачевания. Эти экзамены, получившие какой-то валовой, стадный характер (я все-таки имею в виду юридический факультет), не дают возможности ни экзаменатору проэкзаменовать обстоятельно, ни экзаменуемому подготовиться основательно и отвечать спокойно; они отнимают много времени от лекций и лишают студентов возможности сосредоточиться на изучении какой-нибудь специальной науки, от

которой отрывают его периодические переводные экзамены. О так называемых государственных экзаменах говорить не стану: всеми признана их негодность, и можно только удивляться, что они и до сих пор не упразднены.

Таким образом, нынешнее курсовое устройство университетских экзаменов, без выдерживания которых с установленной отметкой, или же невыдерживание или неполучение этой отметки, не допускает перехода из одного курса на другой, должно быть радикально изменено. Этот вполне школьный переводный характер экзаменов, не

— соответствующий университету и возрасту его питомцев, должен быть заменен экзаменом предметным, проект устройства которого я изложу ниже. А пока напомним, что даже те экзаменационные порядки, которые существовали в университете св. Владимира по уставу 1842 г., далеко превосходили теперешние. В то доброе, старое время экзамен разбивался на две части: полукурсовой и окончательный. Полукурсовой обнимает собою все те предметы, которые читались на первых четырех семестрах (римское право, гражданское право, государственное, энциклопедия с историей философии права, русская история и история русской литературы, обязательное слушание которой было в высокой степени полезно). Все другие предметы последних четырех семестров (уголовное право с процессом, международное, финансовое право, законы государственного благоустройства и судебная медицина) составляли предмет экзамена окончательного.

Полукурсовой экзамен был обязателен только для студентов казеннокоштных, да и то не вполне: по случаю болезни можно было отложить один или два предмета на экзамен окончательный. Студентам же своекоштным разрешалось держать экзамен или в два приема, или в один по выслушивании 8 семестров. Этот порядок уничтожал тот школьный переводный характер, который носят экзамены в настоящее время. К чему привели эти экзамены русских студентов и их научные занятия? Превратив студента в школьника, переводимого из одного курса на другой, подобно ученикам средней школы, они убили в нем чувство студенческого достоинства и заменили свободный выбор специально изучаемой науки зубрением конспектов, знание которых нередко оказывается достаточным для получения наилучшей отметки. Нынешнюю научную приниженность русского студенчества в значительной степени я объясняю этим школьным характером теперешних университетских экзаменов. Оправдалась старая истина: нецелесообразная мера прямо приводит к результатам противоположным тому, на что она была направлена.

По моему крайнему разумению, система экзаменов, более соответствующая достоинству университета и его питомцев, должна быть не переводная курсовая, а предметная. Она могла бы состоять в нижеследующем. Для получения диплома на степень кандидата или на звание действительного студента, студент обязан выслушать курсы по всем факультетским предметам и выдержать по ним экзамены. Но порядок слушания лекций по этим курсам и порядок испытания по ним должен быть предоставлен свободному выбору самого студента. Факультет мог бы рекомендовать очередь предметов и экзаменов, очередь эта могла бы установиться сама собой, сообразно свойству предметов, но выбор, во всяком случае, должен быть предоставлен свободному благоусмотрению студента.

Для производства экзаменов не следует отрывать от чтения лекций двух весенних месяцев — лучшего времени года, когда легче было бы читать и слушать лекции, чем экзаменовать и экзаменоваться в душных аудиториях.

Для производства экзаменов должна быть устроена в осенние и зимние месяцы особая комиссия под председательством декана, из экзаменатора и ассистента, которая могла бы собираться в свободные от лекций часы по усмотрению председателя. Тяжелый экзаменационный труд членов комиссии, конечно, должен быть вознагражден. По выслушивании полного курса того или другого факультетского предмета, удостоверенного подписью соответственного профессора, студент может обратиться к председателю комиссии с просьбой о допущении его к испытанию, которое имело бы состояться с разрешения председателя комиссии. Такая система университетских экзаменов могла бы предупредить тот валовой, стадный характер, который носят экзамены в настоящее время, делая правильное их производство почти невозможным для экзаменатора, вследствие чрезмерного физического труда: у кого не заболит голова, у кого не расстроятся нервы, проэкзаменовав в один сеанс группу в 50—60 студентов и выслушав их ответы, подчас поражающие своей несообразностью.

Такая система, далее, могла бы предупредить скопление множества предметов, которые нужно подготовить и по которым нужно проэкзаменоваться в короткое время: у кого не разовьется неврастения, кто не впадет в мнемонический экстаз, если в течение краткого времени — нескольких недель — ему придется изучить целый ряд разнородных предметов, с которыми он так мало был ознакомлен. Прибавив экзаменационные весенние месяцы к времени чтения лекций, предлагаемая система даст большую возможность прочитывать целостью законченные курсы, что так редко бывает теперь. Наконец, выбор предмета и времени для экзамена откроет студенту большую возможность отдаться изучению какой-нибудь одной специальной науки, от которой не будут отвлекать его всякие переводные экзамены, время которых выбирается не им самим. Кроме всего этого, — и что, по-моему, особенно важно, — рекомендуемый порядок экзаменов уничтожит тот школьный характер, которым запечатлены теперешние студенты, переводимые из курса на курс, подобно ученикам средней школы, — взамен того в них может развиваться научное джентльменство, сознание студенческого достоинства.

Но я не настаиваю на предлагаемой системе: она может быть заменена другой, более целесообразной. Я настаиваю только на том, что теперешняя система противоречит достоинству и чести как университета, так и его питомцев, и что поэтому она должна быть заменена другой.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
Цифровой академической библиотекой «Автограф»
URL: <http://avtograf-library.ru>*

*(Продолжение следует
в следующих номерах журнала)*